

Рыжова Елена Александровна

ПОЭТИКА РУССКОЙ АГИОГРАФИИ: ТОПОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ СВЯТОГО В ЖИТИЯХ ПРАВЕДНИКОВ

Статья посвящена рассмотрению художественной специфики топоса происхождения святого в русской агиографии на материале житий праведников, при этом основное внимание уделяется особому феномену в русской литературной практике - житиям святых "без биографии". В результате исследования впервые делается вывод о трансформации традиционного для агиографии топоса происхождения святого и его превращении в символично-библейское объяснение "небесного" пути подвижника. Проведенный анализ показал, что значимыми произведениями в формировании нового топоса происхождения святого в подобных житиях явился корпус агиографо-гимнографических текстов о праведном Иакове Боровичском XVI-XVII вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 30-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1.09

Статья посвящена рассмотрению художественной специфики топоса происхождения святого в русской агиографии на материале житий праведников, при этом основное внимание уделяется особому феномену в русской литературной практике – житиям святых «без биографии». В результате исследования впервые делается вывод о трансформации традиционного для агиографии топоса происхождения святого и его превращении в символично-библейское объяснение «небесного» пути подвижника. Проведенный анализ показал, что значимыми произведениями в формировании нового топоса происхождения святого в подобных житиях явился корпус агиографо-гимнографических текстов о праведном Иакове Боровичском XVI-XVII вв.

Ключевые слова и фразы: русская агиография; поэтика; топика; жития праведников; Иаков Боровичский; Епифаний Славинецкий; русское барокко; Библия; древнерусская литература.

Рыжова Елена Александровна, к. филол. н., доцент
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
RyzhovaElena2015@yandex.ru

ПОЭТИКА РУССКОЙ АГИОГРАФИИ: ТОПОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ СВЯТОГО В ЖИТИЯХ ПРАВЕДНИКОВ

Агиографический византийский канон, которому следовали создатели русских житий, предписывал использование ряда топосов, среди которых обязательными являлись биографические, включающие указание на рождение святого от благочестивых родителей, сакральные знаки и знамения, символизирующие богоизбранность святого с младенчества, наречение определенного имени с разъяснением его этимологического смысла и соотнесение этого имени с небесным патроном [9, с. 15-36]. Этому правилу придерживались и при жизнеописании праведников, то есть святых, которые прославились подвигами благочестия и святостью жизни в миру.

В русской агиографической традиции, тем не менее, нередки случаи почитания праведников без биографии и даже безымянных святых, имена которых со временем «взыскивались» в видениях либо вообще оставались неизвестными [16, с. 455-457]. В посвященных данным подвижникам произведениях наблюдается значительная трансформация житийного канона: отсутствует традиционное описание биографии святого, его пути к святости, а повествование начинается с момента обретения его нетленных мощей [17, с. 390-442].

Определенным ориентиром в плане источника топика и прямых текстуальных заимствований авторами ряда житий и служб святым, чьи биографии не были известны, по нашим наблюдениям, послужил корпус агиографо-гимнографических памятников о праведном Иакове Боровичском (Боровицком): «Повесть словеси» и Слово о явлении мощей святого Иакова, а также Служба подвижнику. В них с разной степенью подробности сообщается о том, как нетленные мощи безымянного святого, который впоследствии в видениях местных жителей назвал себя Иаковом, явились плывущими на большой льдине к Боровичам во время весеннего половодья на реке Мсте во вторник пасхальной недели, предположительно в XV в. [19, с. 30-33]. На основе многочисленных записей чудотворений от мощей Иакова Боровичского и после второго их освидетельствования в феврале 1572 г. он был канонизирован [18, с. 487].

Создатели агиографических произведений о Иакове Боровичском, ориентируясь на житийный канон, отмечали отсутствие биографических сведений о подвижнике, но находили данному обстоятельству различные символические толкования.

Автор «Повести словеси» о явлении мощей Иакова Боровичского, написанной не ранее 1600 г., объяснял отсутствие биографии святого формулой *«Бог весть раба своего»* («И мы ныне несомненно благодарствуем блаженного Иакова; и аще не доведом, откуда или кто есть, но Бог весть раба своего») [7, л. 505 – 505 об.]. Подобная формула в различных лексических вариантах встречается в других агиографических памятниках при объяснении пробелов в биографии святого: в Житии новгородского юродивого Михаила Клопского (*«Бог знает!»*) [10, л. 344 об.], в Житии преподобного Сергия Нуромского (*«Род же его, и воспитание, и обещание иноческого жития никтоже весть, токмо един Бог»*) [12, л. 92 об.], в Житии преподобного Кирилла Челмогорского (*«Сие же вем изрещи о похвалении преподобнаго – таковы суть неизследованныя судьбы Божия, елико невозможно ни хотящему, ни текущему, но Богом управляющемуся на небесныя стезя»*) [5, л. 31 об.] и др. Вряд ли в данных случаях стоит говорить о непосредственном заимствовании, видимо, это толкование можно считать общим местом при описании сходных сюжетных мотивов, в частности, при комментировании недостатка биографических сведений о святом, когда оно воспринималось авторами как исчерпывающее символично-сакральное объяснение.

Обращается к топосу происхождения святого создатель еще одного произведения о праведнике – Слова о явлении мощей Иакова Боровичского, которое атрибутируется известному писателю XVII в., представителю русского барокко Епифанию Славинецкому [8, с. 55-86; 19, с. 32]. Автор, несомненно, знакомый с «Повестью словеси» о явлении мощей Иакова Боровичского, риторически развивает тему отсутствия земной биографии святого. В Слове о явлении мощей Иакова Боровичского она занимает уже значительное место и строится по правилам риторического искусства, что выражается в использовании автором пространственных словесных периодов, насыщенных развернутыми метафорами-символами, сравнениями, антитезой, плеоназмом, синтаксическим параллелизмом, рифмой, разными видами повтора и другими стилистическими приемами. Незнание биографических сведений о Иакове Боровичском в данном произведении также связывается

с божественным произволением: «*мановением Божиим утаися*» («Но понеже отчество должно, племя земнородно, родителя плотская, весь или град земный, в немже сей преподобный чудотворец родился, весьма нам сего ради *мановением Божиим утаися...*») [13, л. 6 об. 2-го счета]. Автор, следуя антиномичности восприятия мира как одному из основополагающих принципов эстетики барокко [21, с. 223], приводит ряд антитез, противопоставляя земную и небесную биографии Иакова Боровичского: отечество не «долнее», а «горнее»; «племя» (род) не «земнородное», а «небородное»; отец не «телесный», а «духовный» Отец, «вездесущий всеблагий Бог»; не земной город, а «Небесный Град», в котором святые «вечно жительствовати тчатся» [13, л. 6 об. – 7 второго счета].

Слово о явлении мощей Иакова Боровичского было издано в 1658-1659 гг. в составе сборника с символическим названием «Рай мысленный» [23, с. 309], что отражало основные тенденции того времени, поскольку тема рая являлась центральной в литературе русского барокко [21, с. 163-187]. В христианской культуре под мысленным Раем понималось Царство Небесное, которое описывалось как вечное жилище праведных: в Царстве Небесном «праведники просветятся, как солнце» (Мф. 13:43). В этом произведении в полной мере проявляется барочная стилистика, подразумевающая «напряженный и причудливый метафоризм» [Там же, с. 223]. Развернутая метафорическая тема *Небесного Рая* («превыспренный Рай Небесный»), насельником которого является Иаков Боровичский, становится ведущей в Слове о явлении мощей Иакова Боровичского.

В Слове о явлении мощей Иакова Боровичского *Небесный Рай* представлен рядом синонимических библейских образов-символов: *Небесный Город* («Небесный Град», в котором святые «вечно жительствовати тчатся»); «Небесный победоносный Церкви Град»; «небесный блаженный селения»), *Небесный Вертоград* («Небесный блаженный жизни Вертоград»), *Иерусалим* («от Иерусалима – радостотворного Рая»), *Сион* («в Новой Церкви Божия Сионе»), *Небесная Гора* («Небесная Господня вечного блаженства Гора»), *Божия Церковь* («посреде прекрасного Рая – Церкви Божия»).

С темой Рая Мысленного связаны в произведении развернутые метафорические описания его жителя святого Иакова, восходящие к библейской символике. Иаков – «мысленный орел высокопарный», который «вперился» во «превыспренный Рай Небесный» и «вонездился» на дереве [13, л. 10 – 10 об. второго счета]; он «мысленная ластовица», «на Небесную Господню вечного блаженства Гору возлетевшая...» и обитающая «на зде церковном» [Там же, л. 28 об. второго счета]. Образы «мысленных» птиц, сумевших «возлететь» так высоко, чтобы «впериться» в рай и угнездиться там, характерны для христианской традиции, в которой птицы считаются человеческими душами, а в иконописи они изображаются жителями рая. Орел в христианской символике олицетворяет Вознесение и Воскресение Христа, образ орла в Библии подразумевает всемогущество Бога, веру, справедливость и любовь (Иез. 17; Вт. 28:42, 2Цар. 1:23) [1]. Упоминаемая в произведении «ластовица» (ласточка) предстает в Библии птицей, отличающейся быстротой полета и вьющей свои гнезда под крышами и карнизами храмов, домов и башен (Пс. 83:4) [Там же], а в сознании русского человека воспринимается как чистая, святая птица, вестница весны и добра.

С темой Небесного Рая соотносится еще одно именование Иакова: он «мысленный финикс», насажденный «в Небесном блаженный жизни Вертограде» и «боготочно вечной радости росой божественно орошенный», питающий «пресладкими духовными радостями плодами скорбящая души» [13, л. 29 – 29 об. второго счета]. Описание «мысленного финикса» в Небесном Вертограде является словесной иллюстрацией процитированного в тексте произведения библейского псалма «Праведник, яко финикс, процветет» (Пс. 91:13) [Там же, л. 15 об. второго счета], а мотив райского сада – вертограда по праву считается излюбленным в литературе барокко [21, л. 163-172].

В произведении представлено развернутое метафорическое именование Иакова «небесным воином» в райских селениях («во броня правды облеченный, шатающаяся зверообразных врагов душевных полчища победивый и неуязвимым блаженный славы венцем боговенчанный», который «в небесная блаженный селения вселшеся») [13, л. 29 об. – 30 второго счета], имеющее определенные соответствия с описанием духовной «брони» и «оружия» благочестивого христианина в послании апостола Павла к Ефессянам (6:11-18).

Одной из значимых в Слове о явлении мощей Иакова Боровичского в редакции сборника «Рай мысленный» становится тема «Небесного града Горнего Иерусалима», жителем которого является праведный Иаков Боровичский [Там же, л. 6 об. – 7 об. второго счета].

Житийный топос происхождения святого соотносится, как отмечает Т. Р. Руди, с иерусалимскими мотивами: создатели житий, объясняя отсутствие сведений о подвижнике, как правило, обращались к иерусалимской теме, связанной с идеей спасения [15, с. 31]. Характерный еще для византийской традиции, топос «*святой – житель Горнего Иерусалима*» неоднократно используется в русских агиографо-гимнографических памятниках, приобретая особую значимость в житиях праведников для объяснения отсутствия биографии подвижника. В таких случаях иерусалимская тема играет «восполняющую» роль, хотя ее функции гораздо шире [Там же]. Исследуя тему Иерусалима в житийных текстах Древней Руси, Т. Р. Руди описывает несколько ее вариантов. Рассматривая тему «Иерусалим – предвечное Отечество святого», она выделяет два топоса, присущих русской агиографии: «*Иерусалим – духовная родина подвижников благочестия*», источником которого и определенным библейским ключом к нему является 9 стих 31-й Книги пророка Исаии, и его обратный вариант, используемый для того, чтобы подчеркнуть местное происхождение прославляемого святого: «*...откуда таковой великий въ последняя сиа времена светилник восиа, еда от Иерусалима или от Синаа? Ни, рече, но убо Российская земля...*», восходящий к Пахомиеву Житию Сергия Радонежского [Там же, с. 33-34]. Тема «Иерусалим – цель духовных устремлений святого», как выявила исследовательница, может реализовываться также топикой, связанной с мотивами *достижения Горнего Иерусалима и восхождение святого по лестнице добродетелей в Горний Иерусалим* [Там же, с. 36-38].

Топика, использованная для объяснения почитания святого праведника без биографии, в произведениях о Иакове Боровичском не ограничивается только иерусалимскими мотивами и имеет большую вариативность в художественной реализации топоса *«святой – житель Горнего Иерусалима»*.

С этим топосом в Слове о явлении мощей Иакова Боровичского связаны образы *«Мысленный Рай – Новый Иерусалим»* и *«Мысленный Рай – Сион»*. Встречающееся в Библии слово «Сион» – юго-западный холм в Иерусалиме, на котором стояла городская крепость, что означает «укрепление» (1Пар. 11:5), – использовалось и как название города Иерусалима (Исаи. 40:9; Иер. 31:12; Зах. 9:13). Со временем это название стало символически прилагаться к земной и небесной Церкви, а в Новом Завете слово обрело смысл духовного Царства Бога, Небесного Иерусалима (Ис. 2:3, Евр. 12:22, Откр. 14:1) [1]. В Слове о явлении мощей Иакова Боровичского в описании явления мощей Иакова Боровичского весной во вторник пасхальной недели *«Новый Иерусалим»* и *«Сион»* выступают синонимическими понятиями, призванными усилить радость от появления в Царстве Небесном еще одного праведника (*«<...> во светлый светлыя недели день вторичный <...> новый Иерусалим светится, Сион ликует и веселится <...> когда день светлый светлаго воскресения Христова светло в Новой Церкви Божия – Сионе торжествуется...»*) [13, л. 13 об. – 14 второго счета].

Иаков Боровичский называется здесь *гражданином Сиона, обитателем Нового Иерусалима и драгоценным камнем*, из которого возведена Церковь Божья: *«Вемы бо, вемы воистину, яко сей досточудный чудотворец баше гражданин великаго града Сиона, во всю крепость оболченнаго, и наиболее пообиташе во святем Граде Новом – Церкви Божия Иерусалиме, иже от различных драгих камней в славу свою облеченном. К сим же от церковнаго крауголнаго камене, воплощеннаго Бога, яко камык многоценный, сей блаженный сопритчесь...»* [Там же, л. 7 – 7 об. второго счета]. Сравнение Иакова Боровичского с одним из драгоценных камней в Церкви Нового Иерусалима напрямую отсылает читателя к библейским текстам о краугольном камне – Иисусе Христе (Еф. 2:20) и к описанию Небесного Иерусалима, фундамент которого сделан из различных драгоценных камней (Откр. 21: 18-22).

В Слове о явлении мощей Иакова Боровичского искушенному в литературном творчестве книжнику и писателю Епифанию Славинецкому удалось представить красноречивый комментарий земной и небесной биографии праведника. Для объяснения отсутствия биографии святого он использовал словесную формулу *«мановением Божиим утаися»* и антитезу *«земной – небесный путь святого»*, а пребывающий в Мысленном Раю – Царстве Небесном праведный Иаков именуется *«мысленным орлом»*, *«мысленной ластовицей»*, *«мысленным финиксом»*, *«небесным воином»*, *«драгоценным камнем»*, из которого возведена Небесная Церковь Божья, а также *«гражданином Сиона»* и обитателем Небесного Иерусалима.

Яркие метафорические образы и формульность стиля Слова о явлении мощей Иакова Боровичского были заимствованы создателями последующих переработок текста. Произведение в сборнике *«Рай мысленный»* послужило источником Слова о явлении мощей Иакова Боровичского в издании Пролога 1559-1560 гг., где оно помещено в круге чтений на 23 октября [14, л. 602-606]. В редакции Пролога проведено сокращение исходного текста, которое происходило за счет исключения риторически-книжных элементов и фрагментов, пространных комментариев при сохранении событийно-сюжетной канвы источника. В Проложной редакции убрана пространная риторическая вводная часть произведения, а повествование начиналось комментированием факта отсутствия каких-либо биографических сведений о святом [20, с. 323-327]. Это объяснение оказалось построено на ряде биографических топосов, впервые встречающихся в редакции сборника *«Рай мысленный»*: биография праведника *«манием Божиим утаися»*, антитеза *«земная – небесная биография праведника»*, праведник – *«гражданин великаго града Сиона»*, обитель *«Небесного Иерусалима»* (*«...и наиболее пообиташе во святем Граде Новом – Церкви Божия Иерусалиме...»*), *«небесный воин»* [14, л. 602-603].

Пространный фрагмент из Проложной редакции Слова о явлении мощей Иакова Боровичского, как показал сопоставительный анализ текстов, с небольшими изменениями был воспринят создателем списка 1854 г. Сказания о явлении мощей и чудесах вологодского святого – праведного Прокопия Устьянского [4, л. 430-432]. И это заимствование оказалось неслучайным: о новоявленном святом, чьи нетленные мощи вышли из земли во Введенском храме села Бестужево, также не имелось известий – ни о его имени, ни о происхождении, ни о времени подвижничества. Вместе с пространным текстуальным пассажем оказались заимствованы и все присутствующие в Проложной редакции произведения биографические топосы: *«манием Божиим утаены»* биографические сведения о подвижнике, антитеза *«земная – небесная биография святого, праведник – гражданин Сиона, обитель Иерусалима, драгоценный камень в Церкви Божией, небесный воин»* [Там же, л. 430-431].

В другом списке Жития Прокопия Устьянского, фрагмент из которого приводит в своем издании И. Верюжский, объяснение отсутствия биографии святого целиком состоит из нескольких топосов-комментариев, к которым добавляется традиционный для житийной литературы топос *«святой – гражданин Горнего Иерусалима»*: *«Сего блаженнаго приснопамятнаго Прокопия отечество дольно и племя земнородно, град или весь, в нейже святыи родися, нам манием Божиим весьма утаися. Да известнее вемы, яко святии Божии не земнаго, но Небеснаго Отечества ищут, не человеческого, но ангельским сродством хвалятся, и не дольнаго, но Горняго Иерусалима гражданами быти тщатся»* [3, с. 546-547].

Ориентировался на корпус текстов о Иакове Боровичском, в частности, на Службу святому, и составитель Службы Прокопию Устьянскому, поскольку *«...инициаторы прославления неведомого святого вынуждены были искать доказательства самой возможности канонизации таких святых в аналогичных случаях прославления. Наиболее убедительным для церковной власти XVII – XVIII в. примером, вероятно, было общецерковное прославление в XVI в. Иакова Боровичского»* [22, с. 196]. Скопировав практически без изменений текст Службы праведному Иакову Боровичскому, создатель новой службы заимствовал и топос

«*Отечество праведника – Горний Иерусалим*», читающийся в 4-ой песне в стихире «Иже крест взем, блаженне, и желаемаго ти *Отечества* достиг – *Горняго Иерусалима*, и в нем со агелы ликуеши, Иякове премудре, молися о чущих твое честное принесение» [6, л. 14 – 14 об.]. Сравним со Службой Прокопию Устьянскому: «Иже крест взем, блаженне, и *желаемаго ти Отечества* достиг – *Горняго Иерусалима*, и в нем со агелы ликуеши, Прокопие премудре, молися о чущих твое честное явление» [4, л. 419 об.].

Объяснение «сокрытия» земной биографии святого божественным промыслом использовано и в списке 1861 г. Второй редакции Жития основателя Ущельской пустыни в Мезенском крае Иова, о биографии которого приведены в памятнике только скудные и отрывочные сведения: «Блаженного сего преподобномученика Иова отечество долнее и рождение земное – где и от кого родисе – *весьма нам неведомо, Божиим изволением утаено*» [2, л. 2]. Однако автор Второй редакции Жития Иова Ущельского ориентировался в данном случае на другой текст Проложной редакции, на ее Новгородский вариант.

В Новгородском варианте Проложной редакции Слова о явлении мощей Иакова Боровичского в сокращенной форме представлен парафраз на тему «*Отечество святого – Горний Иерусалим*». Топос Проложной редакции «весьма нам *сего ради манием Божиим утаися*» [14, л. 602 об.] в Новгородском варианте произведения трансформируется в «весьма нам *неведомо, Божиим изволением утаено*» [11, л. 180 об.]. В антитезе «земная – небесная биография святого» вместо «*но небороднымъ племенемъ хвалятся*» [14, л. 603] читается «*но небеснымъ жителемъ сликовствовати тцатся*» [11, л. 180 об.]. В новгородском варианте текста сокращается тема «праведник – житель Небесного Града»: нет фразы Проложной редакции «*и не в земном, но в Небесном Граде вечно жителствовати тцатся*» [14, л. 603]. Кроме того, в Новгородском варианте уже не встречаются распространенные словесные периоды с топосами «праведник – гражданин Сиона», «праведник – драгоценный камень в Церкви Христа», «праведник – небесный воин». Вместо них использован ряд продолжающих тему божественного произволения антитез, причем они доведены здесь до афористичности, подчеркнутой противительной синтаксической конструкцией «Аще и..., но...» с анафорическим зачином и ритмизацией для более контрастного противопоставления земного и небесного начал в чудотворце Иакове: «Вемы бо, яко сей досточудный чудотворец, *аще и* рожение име плотское, *но* житием поживе духовным, духом горящи, Господу работаючи. *Аще и* в теле вешественне бе, *но* невещественных умом святых агелов сожителей и собеседников име. *Аще и* на земли обиташе, *но* благовидением на небесех живущему Богу предстояше» [11, л. 180 об. – 181].

Автор Второй редакции Жития Иова Ущельского заимствовал комментарий из Новгородского варианта Проложной редакции Слова о явлении мощей Иакова Боровичского, в котором отсутствие биографии святого объясняется противопоставлением земной и небесной биографий подвижника и поиском «Горнего Отечества»: «Сего ради да известно вемы, яко святии Божии не дольнаго, *но Горняго Отечества ищут*, не земнородным племенем хвалятся, но небесным жителем сликовствовати тцатся, и не телесным, но духовным Отцем, вездесущим благим Богом величаются...» [2, л. 2 – 3 об.].

Таким образом, в корпусе агиографо-гимнографических произведений о праведном Иакове Боровичском нашел отражение широкий спектр мотивировок, объясняющих отсутствие биографии святого, необходимость которой предписывалась еще византийской традицией. В этом ряду есть краткие формульные выражения «Бог весть раба своего» и «весьма нам манием Божиим утаися», содержащие емкий и исчерпывающий ответ на пробелы в земной биографии святого и отсылающие читателя-христианина к высшему – божественному – авторитету. Однако существенным этапом в развитии комментирования жизнеописаний святых без биографии явилось сочинение известного писателя XVII в. Епифания Славинецкого, который в Слове о явлении мощей Иакова Боровичского, применяя разнообразный арсенал риторически украшенных приемов и отталкиваясь от несуществующей биографии святого, противопоставил земное и небесное существование подвижника, а также сумел создать насыщенную метафорикой и библейской образностью «небесную биографию» праведника, пребывающего в Царстве Небесном. Широкий спектр барочной образности, представленный в произведении в редакции сборника «Рай мысленный», был затем адаптирован для печатного Пролога, а впоследствии, в Новгородском варианте Проложной редакции еще раз подвергся редактированию для придания тексту большей формульности.

На всех этапах создания корпуса житийных текстов о Иакове Боровичском, включая и Службу святому, эти произведения были востребованы составителями агиографических памятников о других новоявленных святых, как праведников, так и преподобных, о которых практически ничего не было известно, при этом авторы заимствовали, полностью или частично, объяснение отсутствия сведений о подвижниках и сосредотачивались на их «небесном» происхождении.

Топос происхождения святого в житиях праведников претерпел значительную трансформацию, превратившись из традиционного для агиографии толкования фактов земной биографии святого в символично-библейское объяснение «небесного» пути подвижника.

Список источников

1. **Библейская энциклопедия** [Электронный ресурс] / изд. архим. Никифора. М., 1891. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/Nikifor/biblejskaja-entsiklopedija/> (дата обращения: 09.03.2017).
2. **Библиотека Академии наук** (БАН). Собр. текущих поступлений. № 424.
3. **Верюжский И.** Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью или местно. Вологда: Тип. В. А. Гудкова-Белякова, 1880. [8], 692, [2], III, [2] с.
4. **Государственный архив Вологодской области** (ГАВО). Ф. 883. Оп. 1. Д. 162.
5. **Государственный исторический музей** (ГИМ). Музейское собрание. № 1510.
6. **ГИМ.** Собрание Уварова. № 681.
7. **ГИМ.** Собрание Чудова монастыря. № 308.

8. Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990. 224 с.
9. Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков: опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг., 1914. Ч. 1. Современные жития. 568 с.
10. Российская государственная библиотека (РГБ). Волоколамское собрание. № 659.
11. Российская Национальная библиотека (РНБ). Собрание Новгородской духовной семинарии. № 119.
12. РНБ. Собрание Софийской библиотеки. № 1470.
13. РНБ. III.9.66. Рай мысленный. Иверский монастырь на Валдае, 1658-1659 гг. Рай мысленный. Иверский монастырь на Валдае, 1658-1659 гг.
14. РНБ. XXX.1.14. Пролог печатный на сентябрь–октябрь. 3-е изд. М., 1659–1660.
15. Руди Т. Р. Тема Иерусалима в житийных текстах Древней Руси (из истории литературной топики) // Русская литература. 2012. № 1. С. 31-43.
16. Рыжова Е. А. Безымянные святые в агиографической традиции Русского Севера // Рябининские чтения – 2011: материалы конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 12-17 сентября 2011 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 455-457.
17. Рыжова Е. А. Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2007. Т. 58. С. 390-442.
18. Рыжова Е. А. Иаков Боровичский // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2009. Т. 20. С. 486-491.
19. Рыжова Е. А. Корпус агиографических произведений о святом Иакове Боровицком: проблемы текстологии, датировки и атрибуции // Вестник Новгородского университета. Серия гуманитарных наук. Великий Новгород, 2014. № 83. Ч. 1. С. 30-33.
20. Рыжова Е. А. Проложная редакция Слова о явлении мощей Иакова Боровицкого // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской академии наук (ТОДРЛ ИРЛИ РАН). СПб., 2016. Т. 64. С. 320-333.
21. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М.: Наука, 1991. 263 с.
22. Смирнова (Косицкая) А. Е. Азбучные каноны русским святым // ТОДРЛ ИРЛИ РАН. СПб., 2008. Т. 58. С. 174-253.
23. Черторицкая Т. В. Рай III // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2. Л-Я.

**POETICS OF THE RUSSIAN HAGIOGRAPHY:
THE TOPOS OF HOLIES' ORIGIN IN THE LIVES OF SAINTS**

Ryzhova Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Syktuykar State University named after Pitirim Sorokin
RyzhovaElena2015@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of the artistic specificity of the topos of the origin of the saint in the Russian hagiography by the material of the lives of saints, while the main attention is paid to a special phenomenon in the Russian literary practice – the lives of saints “without biography”. As a result of the study, the conclusion is drawn for the first time about the transformation of the traditional to hagiography topos of the origin of the saint and his transformation into a symbolic-biblical explanation of the “heavenly” path of the ascetic. The analysis shows that the corpus of hagiographical and hymnographic texts about the saint Iakov Borovichskii of the 16th and 17th centuries was significant in the formation of a new topos of the origin of the saint in such lives.

Key words and phrases: the Russian hagiography; poetics; topic; lives of saints; Iakov Borovichskii; Epifany Slavintsky; the Russian baroque; Bible; the Old Russian literature.

УДК 8

В статье рассмотрена взаимосвязь творчества Б. Пастернака с темой театральности. Обращается внимание на различные социальные роли, исполняемые героями романа и малой прозы Пастернака, а также на специфику восприятия его героями окружающей действительности. В статье подчеркивается, что театральная рампа – условность, и каждый человек может в любой момент переместиться из зрительного зала на подмостки, нередко – вопреки собственному желанию.

Ключевые слова и фразы: Б. Пастернак; театральность; рампа; марионетка; четвертая стена; законы театра; актеры.

Хаменок Вера Ивановна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
verakhamenok@gmail.com

«ВСЬ МИР – ТЕАТР...»: ТЕАТРАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. ПАСТЕРНАКА

«All the world is a stage...» [7, p. 245], – заявил Шекспир и навсегда закрепил за людьми звание актеров. Действительно, рампа – особое место: ведомые стремлением обрести хлеб и зрелища, люди приходят в зал, хотя зал – условность. Так, в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» на войне «перед глазами Галлиулина было привычное зрелище атакующей части» [5, с. 113]. Он – одновременно участник действия и его зритель. В сущности, война и революция – время, когда не удастся отсидеться за печкой. Призывы «В актовый зал, в актовый зал!» [Там же, с. 37] во время дней Пресни на деле означают всеобщее участие в разворачивающемся